

Об авторе этой книги

В начале лета 1950 года из Новокузнецка вышел отряд геологов и взял направление на северо-восток, в район Кузнецкого Алатау, к далеким и малоисследованным отрогам Вольшого Каньма. Перед геологами стояла цель: разведать и уточнить запасы железной руды, открытой там еще в довоенные годы.

В составе отряда шел студент горного техникума Владимир Власов. Это была его первая полевая практика.

Вечером на привале, лежа в спальнике, Владимир прислушивался к незнакомым голосам тайги — пisku летучих мышей, гулкому кашлю марала, шороху падающих шишек. Прямо перед глазами темнела скала; в расселинах камня там и сям тор-

чали деревья — пихты, кедры. Скрученные, изуродованные ветрами и морозами, они чернели на фоне угасающего неба, как поднятые в мольбе руки, как один немой вопль: удержаться! Удержаться!

Владимир смотрел и боялся закрыть глаза. После войны минуло уже пять лет, а он, ложась спать, страшился прихода снов. Днем он еще справлялся со своей памятью. А ночью вместе со сном возвращались кошмары. Каждую ночь он обречен был заново переживать то, что когда-то пережил наяву...

В 1942 году Владимир Власов был призван в армию и стал бойцом только что сформированного в прифронтовой полосе батальона (жил он в Донбассе). Судьба батальона сложилась нелегко. Его не успели вооружить, и он, оказавшись на пути внезапного прорыва немцев, был рассеян. Безоружные ребята попали в плен.

И началось для семнадцатилетнего Власова хождение по кругам фашистского ада: концлагеря Ростова, Таганрога, Бахольта, Кельна. В Кельне — рабочая команда завода, побег с группой товарищей. Перед самой границей Швейцарии, куда они хотели уйти, их поймали. Потом — военно-полевой суд, гестапо, приговор: пожизненная каторга. Потом тюрьмы Ахена, Дюссельдорфа, ГанOVERA и наконец печально знаменитый концлагерь Заксенхаузен под Берлином.

Два года в Заксенхаузене, лагере, который считался у фашистов «экспериментальным» (в нем гитлеровцы испытывали свои новинки по истязанию и умерщвлению людей) — это сотни дней и ночей кошмаров, описать которые нельзя.

В апреле 1945, когда уже была слышна советская артиллерия, оставшихся в живых каторжников построили в колонны по тысяче и погнали в порт Любек, чтобы там погрузить на баржи и вместе с баржами утопить в море. Марш смертников длился десять дней. Слыша близкую канонаду, узники сделали последнее отчаянное усилие, перебили охрану и пошли навстречу канонаде.

Закончил войну Владимир Власов в рядах Советской Армии. А потом демобилизация, возвращение на родину, учеба в техникуме.

И вот он здесь, на земле Кузнецкой, в тысячах верст и дней от Заксенхаузена, а проклятая память, растревоженная мрачным пейзажем, забивает его сон кошмарами, и он то и дело просыпается и стирает с лица испарину...

Упоминаю я это затем, чтобы читатель яснее себе представил происхождение многих помещенных здесь рассказов — «Комис-

сары», «Юп», «Обыкновенная история» и др. Безыскусность сюжетов, сдержанность и даже скупость прямых авторских эмоций и вместе с тем пронзительная достоверность деталей безошибочно свидетельствуют о том, что автор брал свой суровый материал не из вторых рук.

Однако писание и этих рассказов, и других, уже на тему мирной геологической жизни, было значительно позднее, много лет спустя, а тогда, в начале пятидесятых, молодому геологуполевику Владимиру Власову предстояли дела, бесконечно далекие от литературного творчества.

Здесь на Канyme, куда Власов вернулся после окончания техникума, сделал он свои первые самостоятельные шаги в геологии. Ходил летом в маршруты высшей категории сложности, зимой бил шурфы, прикрыв их от снега шалашами. Он задавал первую точку для первой буровой вышки на Канyme, носил в баллонах нефть для дизелей; сутками плутал, застигнутый беспросветными канымскими буранами (см. рассказы «Завтра связи не будет», «Тузик»).

Пять лет, а потом — прощай, хмурый Каным. Уже в качестве начальника партии летит Владимир Аскольдович Власов на Куль-Тайгу, одну из вершин Абаканского хребта, опоясавшего юго-восточную границу Кемеровской области.

Партия на Куль-Тайге была у грани развала, и вновь испеченному начальнику пришлось выслушать горькие откровения своего предшественника, который сказал:

— Я всю жизнь отдал геологии и не боюсь трудностей. Я годами могу корпеть над разгадкой какой-нибудь аномалии, ходить в сложнейшие маршруты; но когда тебя забрасывают самолетом к черту на кулички, дают полсотни человек, треть которых — бывшие уголовники, а у тебя в руках только печатка да рация, да наган с шестью патронами, и говорят: ставь разведку по всем правилам науки и техники, то что ты на это скажешь? Ты не начальник партии — ты снабженец, коммерсант, милиционер, лекарь, судья, бог и царь — кто хочешь, но только не геолог, и вся геология летит к чертям, и ты думаешь только о том, как завтра обеспечить людей хлебом, потому что у пьяницы-завхоза последняя здоровая лошадь сломала ногу; или о том, что сделать, чтобы Сашка по прозвищу Клянусь Жизнью не привел свою угрозу в исполнение и не поджег кержацкую заимку...

В справедливости этих слов Власов убедился вскоре же, однако отступать было не в его характере. Дела в партии постепенно наладились, и каких сил и нервов это стоило — знал

только он сам. В результате было разведано крупное месторождение титано-магнетитовых руд.

Сдав его, Власов получил новое предложение: возглавить разведку только что открытых южнее Таштагола фосфоритных руд. И здесь работа от первого кольшика и преодоление трудностей, так знакомых по Куль-Тайге.

После завершения работ на фосфоритах Власов возвращается на Каным, где после длительного перерыва решено ставить глубокую разведку железных руд. И снова — высадка вертолетным десантом на голец, раскорчевка тайги под будущий поселок, строительство дорог и буровых вышек — и все это в условиях таежного высокогорья и оторванности от баз снабжения.

Короче — недостатка в жизненных наблюдениях, за которыми иные авторы ездят в творческие командировки, у Владимира Власова не было. Острая наблюдательность, талант устного рассказчика, умение двумя-тремя штрихами подчеркнуть в человеке самое характерное — все это дало повод его друзьям настоятельно посоветовать ему взять в руки перо.

Урывками, в часы, отнятые у сна, часто при свече и керосиновой лампе, писались собранные здесь рассказы. Строгий критик найдет, возможно, шероховатости стиля и другие упущения литературной техники. Но он не найдет здесь одного: поверхностного знания жизни.

С удовольствием знакомлю читателя с Владимиром Власовым, творчество которого симпатично мне своей тематической направленностью, верой в добрые качества человека, оптимизмом, и той изюминкой юмора, которой так часто не хватает книгам наших профессиональных писателей.

ВЛАДИМИР МАЗАЕВ